
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Интуиция *versus* семантика: проблема *a priori*

© 2021 г. К.А. Павлов-Пинус

Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: pavlov-koal@ya.ru

Поступила 03.04.2020

Статья представляет собой экскурс в некоторые значимые эпизоды истории, связанные с развитием семантической и кантианской традиций в рамках «логического позитивизма». В центре внимания – нарастающая роль понятия значения, а также борьба «значения» с «интуицией» за право считаться ключевой конститuentой *обосновываемого* теоретического знания. Материал излагается из философской перспективы, предложенной Альберто Коффою в книге «Семантическая традиция от Канта до Карнапа», переведенной на русский язык в 2019 г., оригинальная версия которой увидела свет в 1991 г. А. Коффа – авторитетный исследователь; к примеру, Стэнфордская энциклопедия философии (SEP) содержит более 70 ссылок на его труды. Книга А. Коффы является исторически первым, всеобъемлющим исследованием развития логического позитивизма, строгим с исторической и технической точек зрения. Она является незаменимым источником всех будущих исследований этой области.

Ключевые слова: семантика, интуиция, фактичность значения, философская грамматика, обоснование, Альберто Коффа, Кант, Витгенштейн, Карнап.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-87-97

Цитирование: Павлов-Пинус К.А. Интуиция *versus* семантика: проблема *a priori* // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 87–97.

Intuition versus Semantics: Problem of *A priori*

© 2021 Konstantin A. Pavlov-Pinus

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: pavlov-koal@ya.ru

Received 03.04.2020

The article is an excursus to several significant episodes of history related to development of semantic and Kantian traditions of reasoning within the framework of logical positivism. It is focused on an increasing role of meaning in philosophy, and on a struggle of “meaning” with “intuition” for the right to be considered as a key constituent of justifiable knowledge. The material is presented from Alberto Coffa’s book perspective named “Semantic tradition from Kant to Carnap” which was translated in Russian in 2019, and original version of which was published in 1991. This book is historically the first comprehensive study of the development of logical positivism. It is an indispensable source for all future research in this area.

Keywords: semantics, intuition, factuality of meaning, philosophical grammar, foundation, Alberto Coffa, Kant, Wittgenstein, Carnap.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-87-97

Citation: Pavlov-Pinus, Konstantin A. (2021) “Intuition versus Semantics: Problem of *A priori*”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2021), pp. 87–97.

В 2019 г. у русскоязычного читателя появилась возможность ознакомиться с книгой Альберто Коффы «*Семантическая традиция от Канта до Карнапа. К Венскому вокзалу*» (далее – *СТК*). Кому, по моему соображению, предназначена эта книга? В первых, тем, кому набило оскомину ставшее бессмысленным различие между «аналитической философией» и всем тем, чему она обычно противопоставляется, ибо этот термин давно потерял какую-либо конкретную содержательность и дисциплинарную специфику. Избавившись от некоторых штампов, автор книги – за счет, казалось бы, незначительной смены акцентов и терминологической аккуратности – возвращает животрепещущую осмысленность и должную теоретическую глубину тем реальным задачам, которые попали в фокус философского внимания на рубеже XIX и XX вв., и тем самым вносит значительную ясность в эту историю. Но ясность *истории* – это не ясность готовых ответов; скорее наоборот, это отчетливость локализации очень трудных вопросов, а порой даже и простая очевидность дымовой завесы, отделяющей нас от чаемой цели.

Во-вторых, думается, эту книгу полезно будет освоить тем, у кого (подобно мне) тлели давние угольки сомнения, связанные с русскоязычной рецепцией возникновения аналитической философии, которая, словно бы черт из табакерки, выскочила из ниоткуда и, опираясь преимущественно на одну лишь формальную логику, создала некую «философию». Эта воображаемая конструкция рассыпается на глазах, и перед читателем постепенно разворачивается целостная панорама интеллектуальных баталий по фундаментальным классическим проблемам, существенные черты которых были обозначены еще Платоном и Аристотелем, а затем, на нововременной манер, радикализованы коперниканской революцией И. Канта. Борьба разворачивается вокруг центральной для всей

эпистемологии (да и философии вообще) темы – *проблемы a priori*. И средоточием споров оказывается вопрос об эпистемическом статусе и теоретической значимости такой вещи, как *интуиция*, эмпирическая, с одной стороны, и, с другой стороны, «*чистая интуиция*», помещенная Кантом в эпицентр философских споров. Сталь критических аргументов, направленных «семантистами» на последовательное изгнание интуитивных оснований из всей сферы строгого теоретизирования, закалялась в жарких спорах с ключевыми положениями кантианского понимания структуры и основания человеческих знаний. Однако стальные сооружения, чтобы полностью соответствовать своему назначению, должны покоиться на не менее прочном *фундаменте*; и вот тут читатель, возможно с удивлением, обнаружит, что достаточно надежного основания так и не было обнаружено – хуже того, железная логика идеальных теоретических конструкций оказалась летящей в безвоздушном пространстве человеческих конвенций, уходящих корнями в дремучую природу человеческого *понимания*, главным делом, *понимания языка*. Так, Коффа, вслед за «*поздним*» Витгенштейном и «*поздним*» Карнапом, заводит читателя в дебри самых темных *современных* проблем философии.

В-третьих, книга Коффы будет интересна тем, кто давно небезосновательно сомневался в том, что история аналитической философии представляла собой триумфальное шествие, все до единого результаты которой являются непреходящими достижениями. Добрая часть проделанной работы есть лишь свидетельство многообразия неудачных попыток решить ту или иную глубокую теоретическую проблему; иными словами, попадает в список тех «*граблей*», на которые не следует в очередной раз наступать, идя по пути философского анализа. Коффа, со свойственной ему иронией, отмечает: «Когда я начал писать эту книгу, я намеревался объяснить в предисловии, что это будет история эпистемологии со времени Канта, написанная так, как это сделал бы Карнап, если бы он был Гегелем. Но с тех пор я стал понимать, что, если Мировой Дух и не был злонамеренным, он определенно был забывчивым. В Вене он сделал решительный шаг в направлении понимания *a priori*, но он метался вбок и назад по другим важнейшим вопросам. Большой части его блужданий можно было избежать, если бы он осознал некоторые из своих достижений в предшествующем веке» [Коффа 2019, 6].

Ну, и наконец, в-четвертых, *СТК* – это действительно *философская* книга, которую трудно, но увлекательно читать: философская, то есть *не историко-философская*, ибо «*чтение*» ее подразумевает необходимость напряженного размышления, в том же смысле, в каком «*чтение*» сборника математических задач является осмысленным, только если вы пытаетесь самостоятельно решить предложенные вам проблемы – с той лишь разницей, что у ряда головоломок в *СТК* нет и, возможно, никогда не будет по-настоящему «*хороших*» *окончательных* решений. Стало быть, это книга для тех, кто понимает философию не просто как изложение неких мировоззрений или метафизических предпочтений, но как *философскую логику*.

Свою задачу Коффа определяет идеей детального рассмотрения философии в ее, условно говоря, Венский период, в 1925–1935 гг. Тем не менее эту задачу невозможно выполнить, не обращая внимания на ключевые поворотные моменты философии из отдаленного прошлого. Нельзя также не учитывать тех путей, которыми она пошла в дальнейшем. И вот, оглядывая полуторавековую историю мысли и оценивая результаты, достигнутые сторонниками научно ориентированной философии, Коффа выделяет из нее два факта: 1) решающий вклад Витгенштейна и Карнапа в формирование *семантической традиции* философствования, во всем ее противоречивом разнообразии, и 2) формирование *трансцендентальной научной эпистемологии* усилиями Шлика, Райхенбаха, Карнапа, Поппера и др. Смысл этих двух принципиальных утверждений мы постараемся уточнить ниже.

Уходя от терминологических стереотипов, Коффа предлагает посмотреть на историю научно ориентированного философствования, имевшего место в конце XIX и первой половине XX в., через призму трех основных течений: позитивизма, кантианства и семантически ориентированных штудий. О позитивизме речи не пойдет, поскольку

центральная тема *СТК* – это систематическая тематизация понятия «*a priori*»; то есть именно того понятия, которое полностью отвергали позитивисты и поэтому не имели сказать ничего существенного по данному поводу. Поэтому читатель станет свидетелем напряженных споров между *кантианской* линией рассуждения и *семантической* линией анализа, которая зарождалась (как институционально организованное явление) в недрах неокантианства, постепенно шлифуясь под воздействием семантических прозрений Гуссерля, Рассела (занимавших в ряде моментов скорее кантианские позиции в отношении значимости интуиции) и главным образом анти-кантианских идей Больцано (значимость работ которого только начинала осознаваться), Фреге и Витгенштейна. О том, как зарождалась, развивалась семантическая линия, тесно переплетаясь с кантианской, о ее успехах и провалах, о том, выполнила ли она свою главную задачу или нет, речь как раз и пойдет в представляемой нами книге.

Несмотря на то, что Коффа выводит на сцену множество исторических персонажей, главным действующим лицом его повествования является *Путаница*. Автор, конечно же, поочередно дает слово и Канту, и Карнапу, и Витгенштейну (и др.), однако без преувеличения можно сказать, что повествование идет от лица вездесущей, неуемной (и, видимо, неустраимой!) Неразберихи. Слово «путаница» является, пожалуй, самым часто встречающимся словом в книге. Она явственно усматривается и мастерски выводится Коффой на поверхность практически всех обсуждаемых им тем – и в постановке вопросов, и в способах формирования теоретических значений, и в исследовательских рефлексиях касательно деятельности самих ученых, и в непоследовательности выводов из декларируемых позиций, и в способах обоснования, и в рецепциях, интерпретациях, и во взаимной критике (и т.п.).

В качестве иллюстрации можно привести пару примеров путаницы, так или иначе связанных, например, с фигурой Фреге (можно было бы выбрать любого иного персонажа). В первую очередь следует поговорить о критически неверной *рецепции* замыслов Фреге, которая во многом связана с тем, что сам термин «логика» трактовался в те времена вовсе не в современном – формальном – смысле. «То, что Фреге и Рассел называли “логическим”, Гуссерль – “логическими исследованиями”, Майнонг – “Gegenstandstheorie”, а Витгенштейн – “логико-философскими наблюдениями”, – это всё близкие родственники; но их нельзя путать с тем, что сейчас называется логикой... Их “логика” была нашей семантикой, доктриной содержания, его природы и структуры, а не просто его “формальным” фрагментом» [Коффа 2019, 89], – однозначно верно констатирует Коффа. Каковы последствия этой путаницы? По многим современным учебникам по логике до сих пор кочует своего рода заклинание и, мол, логика – это то, что отвлекается ото всякого содержания утверждений и изучает только их логическую форму. Однако ж если эту формулу понимать буквально, то по своему смыслу она окажется прямой противоположностью исконным замыслам Фреге. «Когда Фреге определил в качестве своей цели “изолирование того, что является логическим” (Logik [1879–1891], *Nachlass*, p. 6) и “четкое различие психологического и логического, субъективного и объективного” (*The Foundations of Arithmetic*, p. xxii), он явно дал понять, что его цель, логический или объективный элемент в мысли, является не тем, что остается в суждении при исключении из него содержания, а тем, что остается при устранении специфического психологического элемента», и тем самым, продолжает Коффа, это нужно понимать так, что «Фреге пошел гораздо дальше – за пределы того, что мы называем сейчас формальной логикой, в семантику, значение и содержание, где он обнаружил исходные основания вывода, общезначимости и много чего еще» [Там же, 90]. Сам Фреге формулирует это следующим образом: «С самого начала я имел в виду *выражение содержания*... Но содержание должно быть дано более точно, чем в естественном языке (Booles rechnende Logik, p. 13)» [Там же]. Поэтому Коффа резюмирует: «Общепринято считать, что эти открытия знаменовали собой рождение новой логики. Однако они являются не большим чем побочным продуктом гораздо более фундаментального предприятия, инспирированного Фреге его ранними сочинениями: исследованием характера того, что мы говорим, когда сообщаем

информацию посредством суждений – не просто то, что мы говорим, а то, что *можем* сказать» (*курсив мой.* – К.П.-П.) [Коффа 2019, 87].

Рассмотрим еще одну иллюстрацию, связанную с путаницей в понимании базовых принципов, позволяющих достичь поставленных целей. В частности, речь у Коффы идет о противостоянии Рассела и Фреге идеям Пуанкаре и Гильберта. Ни «ранний» Рассел, ни Фреге, упорно придерживавшийся позиций «семантического атомизма» и пропозиционализма, не смогли – по иронии Мирового Разума – распознать в аргументах Пуанкаре и Гильберта то самое, к чему как раз и устремлялась их собственная мысль в борьбе за твердые – то есть де-психологизированные, но интерсубъективно значимые – основания науки. «Ссора <Рассела и Пуанкаре> произошла из-за кажущейся тривиальной темы: каким образом мы имеем доступ к основным, неопределимым геометрическим концепциям? Фреге и Гильберт также обсуждали этот вопрос. Они не поняли, что дебатруемая ими тема была ключевым вопросом о природе априорного знания, даже в области логики» [Там же, 178]. В чем тут дело? А дело в том, что вопрос эпистемического доступа к неопределимым и неанализируемым «атомарным» концептам является местом крушения того, что (вслед за аналогиями, встречаемыми у Локка, Ламберта и даже Канта) Коффа называет «химической теорией репрезентации», вместе с которой рушатся всевозможные версии изобразительно-теоретической семантики (приверженцами которой были Больцано, Фреге, Рассел и ранний Витгенштейн) и соответствующие им версии эпистемологии (которые Коффа называет «эпистемологиями-от-оснований»). Этот способ мысли саморазрушителен: он разваливается там, где ключевые узлы теоретических конструкций должны обладать максимальной прочностью, – то есть в вопросе о том, а как именно нам, людям, оказываются даны первоэлементы, которые (по определению) являются чем-то неопределимым и недоказуемым, но надежность которых, однако, есть *залог крепости* всего сооружаемого на них здания. Имеется великий соблазн, которому поддавались и еще будут поддаваться многие, именно в этом моменте зарезервировать место для интуиции, которая в разных обличьях прокрадывается в качестве предельного теоретического основания, – это и то, что Рассел называет «знакомством», и то, что называется словом «созерцание» и/или «усмотрение» (в русских переводах Канта и Гуссерля соответственно), и собственно «интуиция». Что мы получаем на выходе? Итог понятен – перед нами очередной колосс на глиняных ногах. Со времен Аристотеля, прекрасно осознававшего эту проблему (но не знавшего хороших способов ее разрешения), – это было тем местом, где садились на мель многие философские предприятия. Сам Аристотель проблеме постижения простых, неопределимых элементов бытия тематизировал в терминах ума, «касающегося» бытия. Вот что он говорит в «Метафизике», Кн. 9, 1051b 20–30: «Но что такое бытие и небытие, истинное и ложное в отношении вещей *несоставных*?.. Истинное и ложное означают здесь следующее: истина есть удостоверение [как бы] наощупь (то *ϋπερῖν* – касаться, дотрагиваться) и сказывание (ведь не одно и то же утвердительная речь и сказывание), а когда нельзя таким образом удостовериться, то имеется незнание <а не ложь!>» (*курсив мой.* – К.П.-П.), поскольку, как поясняет Аристотель чуть дальше, в таких случаях «нельзя ошибиться, а можно либо мыслить его, либо нет». И затем он завершает этот фрагмент восхитительным соображением, вполне в духе утонченных современных семантических констатаций: «Относительно его [простого бытия] ставится вопрос только о сути, а не о том, такого ли свойства оно или нет» (*курсив мой.* – К.П.-П.) [Аристотель 1976, 250–251]. В переводе на язык современной семантики Аристотель говорит следующее: речь об элементах бытия не может опираться на пропозиции – сказывание, которое *не* есть речь утвердительная, стало быть, формируется не пропозициями, а семантическими единицами («сутью»), то есть является разновидностью *философской грамматики*. Насколько мне известно, у Аристотеля больше ничего не сказано на эту тему (впрочем, заинтересованный читатель может уточнить этот вопрос в монографии, специально посвященной языку Аристотеля, где, в частности, разбирается цитируемый фрагмент [Орлов 2011, 108–118]). Как свидетельствуют аргументы Коффы, и по сей день сказано не так уж много.

Вопрос о способах знания первоэлементов – это не единственное возражение против химической картины мира и соответствующей ей теоретико-изобразительной семантики. Последняя пробуксовывает не только в области примитивных конститuent, но и, очевидно, там, где на практике хорошо работающие идеализации являются *простыми* семантическими единицами, соответствующими *сложным* (а то и вовсе неинтерпретируемым «физически») экстра-семантическим реальностям (например, центр масс); или же наоборот, когда (предположительно) *простые* элементы бытия оказываются соответствующими *сложным* семантическим конструкциям (что уж говорить о бесконечно сложных математических объектах). Это подводит к вопросу, *что* же именно интузируется интуицией? Ясно, что в общем случае речи не может идти об интуировании самих вещей. Не сами вещи, а их значения и смыслы – вот что оказывается посредником между субъектом и миром (что бы мы ни понимали под обоими). (Заметим мимоходом, что в конечном итоге позиция Пуанкаре и Гильберта убила Рассела в своей основательности, Фреге же оказался менее чувствительным ко мнению экспертов. При этом, ежели изменение отношения Рассела к основаниям геометрии прошло довольно безболезненно, то коллапс его программы под воздействием критики Витгенштейна завершился мыслями о самоубийстве, ну, или, по крайней мере, о том, чтобы бросить серьезную философию [Коффа 2019, 177].)

Сказанное выше касается отношения Фреге к основаниям геометрии. А как обстоят дела с вопросом об основаниях самой *логики*? Удивительным образом этот вопрос вообще не волновал Фреге. Судя по всему, он просто не придавал теоретической значимости самому *вопросу*. Коффа говорит, со ссылкой на Фреге: «Дело в том, что Фреге даже не собирался объяснять, почему мы обоснованно верим в логику» [Там же, 170]. И далее приводит реплику Фреге, буквально цитирующего Аристотеля, из которой становится ясно, как Фреге представлял себе ситуацию: «Нельзя требовать от каждой вещи ее доказательства, потому что это невозможно; но мы можем потребовать, чтобы все утверждения, используемые без доказательств, выражались бы как таковые, чтобы мы могли отчетливо видеть, на чем покоится вся структура». Но при этом делал одно важное уточнение: «Далее, я требую, – и здесь я иду дальше Евклида, – чтобы все используемые методы вывода были специфицированы заранее» (см. [Там же]). И всё же этого уточнения совершенно недостаточно: ежели «основы» логики – лишь простая систематизация того, что чисто *исторически* (и, соответственно, лишь интуитивно) называется «логикой», то априорная сила логических рассуждений, которая – по идее, в идеале – должна была бы превосходить силу индивидуальных убеждений и субъективных предпочтений, оказывается *блефом*. Ссылка на самоочевидность (как и на интуицию или на авторитет истории) тут губительна, – даже если эта самоочевидность представлена в рафинированном, формально-дифференцированном виде. Такой ход хорош, например, для обоснования консистентности правил игры в шахматы или правил игры, установленных Уголовным кодексом. Но в случае логики этого явно недостаточно: в своем средоточии логика (если она вообще существует!) не может быть конвенцией, *и только конвенцией*. Как результат, Фреге не смог заметить, что уникальность логики ведет далеко за пределы традиционного понимания «обоснования», это несколько позже сумел разглядеть Витгенштейн.

Вся история философской логики в XX в. учит тому, насколько самопротиворечивым может оказаться всё то, что мнится самоочевидным или интуитивно (якобы) безальтернативным. (У Фреге был нелегкий опыт крушения собственных «базовых» интуиций – в основании системы, которую он так долго строил, лежало фатальное противоречие: парадокс Рассела. Вот как об этом пишут Бар-Хиллел и Френкель: «Еще более трагичной была судьба Фреге: он как раз только что закончил, после десятилетий напряженной работы, свой главный труд, когда Рассел сообщил ему о своем открытии <т.е. об антиномии>. В первой же фразе послесловия Фреге отмечает, что фундамент его здания поколеблен Расселом» [Бар-Хиллел, Френкель 1966, 13].) Учитывая многочисленный опыт подобных крушений, можно было бы смело утверждать: самым значимым достижением философской логики в XX в. является открытие того

обстоятельства, что логические рассуждения являются важнейшим средством *изменения* человеческих интуиций и самоочевидностей. Интуиции и самоочевидности играют важную, но весьма ограниченную роль, причем значимость этой роли проявляется *только* в составе чего-то большего, логически структурированного и рационально обосновываемого, – они не могут играть роль такого основания, которое можно было бы *изолировать* от держашейся «на» нем конструкции. Эти вопросы до сих пор остро стоят на повестке дня.

Заметим, кстати, что, несмотря на наличие мощных логических школ, вопросы оснований логики практически не поднимаются в отечественной литературе. Русскоязычных исследователей (идуших в этом вопросе за интуициями Фреге) не сильно беспокоят философские аспекты проблемы оснований своего предмета. Известными мне исключениями являются только монографии [Целищев 2004; Драгалина-Черная 2015]. В тот период, когда я уже прекратил заниматься математикой, но пока еще толком не начал заниматься философией, мне тоже довелось опубликовать книжку по схожим вопросам [Павлов 2010].

Давайте вернемся к сквозным вопросам и самым общим установкам автора *СТК*. Каждое из направлений исследования (позитивизм, кантианство и семантическое направление) *сущностно* характеризуется динамикой своего отношения к трем фундаментальным темам – проблеме значений, проблеме онтологических обязательств и проблеме оснований. Как поясняет Коффа, «если задана некоторая сфера знания, то мы можем задать вопросы: *что означают* ее утверждения, *о чем* они говорят и какова причина – если есть вообще таковая – у нас *верить им?*» (*курсив мой.* – К.П.-П.) [Коффа 2019, 283]. Тема «оснований» у Коффы на самом-то деле значительно шире, поскольку под основаниями иногда следует понимать *аргументы* в защиту того или иного тезиса, а иногда – те базовые «элементы» мира, сознания и/или языка (разумеется, лишь гипотетические), из которых предположительно конструируется всё остальное. Про химическую картину мира мы уже говорили и упоминаем ее еще раз только для того, чтобы избежать двусмысленности при использовании слова «основание».

Тем не менее главная забота Коффы не проблема оснований и не онтология, а вопросы семантики. По мере развития геометрии, арифметизации математики и математизации физики провалы классических форм объяснения того, как происходит эпистемический доступ к «внешнему миру» или, например, к математическим сущностям (в особенности к бесконечным), всё явственнее указывали на недостаточность субъект-объектного метафизического языка, где *активность* субъектного полюса представлена работой концептов, а объектный полюс являет собой *material*, доставляемый рассудку посредством конструктивных компетенций интуиции/созерцания. А это по сути дела, и есть ключевая формула Канта, против которой восстали семантически ориентированные исследователи: *знание = концепции + интуиции*. Вот она дословно: «...созерцания (*Anschauung*, *intuitions*, интуиции) и понятия (*Begriffe*, *concepts*, концепты) суть начала всякого нашего познания, так что ни понятия без соответствующего им некоторым образом созерцания, ни созерцание без понятий не могут дать знание... Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» (В 74) [Кант 1994]. В пику этой точке зрения в науке все больше накапливалось свидетельств в пользу того, что между субъектом (с его концептами и интуициями) и миром (который дается субъекту посредством интуиций) должно быть что-то еще [Коффа 2019, 105]. Это «что-то еще» должно нести на себе нагрузку если не объективности, то интересубъективности, но не всякой интересубъективности, а такой, которая очищает коммуникацию от случайностей психологизма и субъективизма. Вклад исследований Больцано и Фреге в семантику заключается в том, что методом гениальных проб и нетривиальных ошибок они открыли путь к области смыслов, независимых от индивидуальных психологических особенностей. Однако атомистические семантические представления и приверженность пропозициям не позволили им продвинуться дальше в области семантики. И только холистические прозрения Витгенштейна (вместе с его отказом от пропозиционализма) дали возможность последнему осуществить теоретический прорыв. Это

открыло дорогу Карнапу, который впервые всерьез взялся за разработку деталей тех идей, которыми он вдохновился у Витгенштейна.

Думается, читатель будет впечатлен тем, как много усилий понадобилось на то, чтобы пробиться к результатам, некоторые из которых стали сегодня «само собой разумеющимися» (а некоторые, по-моему, так и не получили должного признания). Поэтому то, что Коффа называет «новой коперниканской революцией» [Коффа 2019, 358], – это не красивая метафора и не случайный оборот речи, а самая суть дела. Это событие и долго подготавливалось, и привнесло в итоге ощутимые изменения в философию. Если предыдущую коперниканскую революцию в философии, по его собственной самооценке, совершил Кант, и она заключалась в том, что «если предметы (как объекты чувств) согласуются с нашей способностью к созерцанию <т.е. к интуитированию, *Anschauung*>, то я вполне представляю себе возможность априорного знания» [Кант 1994, 18], то смысл новой коперниканской революции сводится к идее того, что не объекты, а значения должны а priori соответствовать возможности их понимания. Стало быть, если у Канта ум конструировал объекты, то здесь за субъектом числится способность конституировать значения. Соответственно этому ходу, философия из критики *Разума* превращается в критику *Языка*, которая, – чтобы избежать срыва в наивный платонизм, – должна быть дополнена критикой *Понимания*. Без этого два центральных для семантических исследований вопроса – что говорят высказываемые предложения и о чем в них идет речь – останутся нерешаемыми головоломками.

В качестве показательной иллюстрации того, какими могут быть последствия превратного понимания жизни языка, вспомним жаркие споры, развернувшиеся вокруг темы «следования правилу», заданной Витгенштейном. Известная и очень нашумевшая брошюра Сола Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» ([Крипке 2005]) целиком основана на радикально неверном образе языкового понимания. Проблема значений, рассмотренная *изолированно* от проблемы понимания, порождает монструозные головоломки, не решаемые ни логически, ни рационально. Жесткая ответная реакция на подобный (изоляциялистский) ход мысли опубликована в [Бейкер, Хакер 2007]; в этой книге авторы характеризуют подход Крипке так: «Теории значения – это мертвые ветви на Древе Познания» [Там же, 9], и это, увы, совершенно правильная точка зрения.

Но идеей конституирования значений очередная «революция» не исчерпывается: простая констатация такого поворота мысли – это только полдела. Возникает ряд непростых вопросов. Если конституирование значений находится во власти человеческого ума и способности воображения, то каковы *границы* конституирования? Ежели инструменты формирования смысла так или иначе подконтрольны человеку, то каковы пределы тому, что *вообще может* быть понятным (человеку)? Или же в мире смыслов можно конституировать все что угодно и, соответственно, можно понять все что угодно и, далее, при надлежащей воле со стороны участников коммуникации, сделать *конвенцией* любую смысловую форму? Чем отличается бессмысленный набор символов от такого набора, который являет собой систему репрезентации чего-то внешнего по отношению к ней? Ну, и наконец, а как именно совершаются процедуры смыслоформирования? И как именно все-таки выходит, что эти конструируемые человеком семантические сооружения в каком-то важном смысле соответствуют тому, *о чем они?*

В средоточии споров на эту тему лежит вопрос о *фактичности значения*, обсуждаемый в *СТК* на примере позиций Витгенштейна и Карнапа. Различие их позиций заключается в следующем. Коффа рассуждает так: «...хотя логика и вся область того, что не может быть сказано, были для Витгенштейна неспособными к истинности и ложности, существует тем не менее смысл, в котором этот странный тип информации отвечал объективной реальности, как бы потусторонне это не звучало. Невыговариваемое не является истинным, но есть нечто, о чем оно верно» [Коффа 2019, 443]. У Витгенштейна это сказано с предельной ясностью: «Сущность языка есть картина сущности мира; и философия как блюститель грамматики может на самом деле схватывать сущность мира, только не в пропозициях языка» (см. [Там же, 85]). Этот разворот

дела Карнапу кажется крайне сомнительным. Карнап понимает свои «языковые каркасы» как то, что «полностью конституирует значение, а не как нечто, что окольно отражает заданную “сущность мира”» [Коффа 2019, 444]. Однако он прекрасно понимает, что идею терпимости необходимо *как-то* отличить от элементарной вседозволенности, приводящей к семантическому абсурду (Фейерабендов принцип «anything goes» не рассматривался им как разумная альтернатива витгенштейновым догмам). Идея Карнапа состояла в том, что принципы конституирования значений должны подчиняться *общим условиям осмысленности*. Однако никаких развернутых рассуждений о том, как должны выглядеть эти условия и каким новым догмам подчиняться, он не оставил. Точнее, эту задачу он оставил своим философским наследникам.

Думается, этот вопрос действительно является одним из краеугольных для всей современной философии. От себя замечу, между прочим, что те гигантские усилия, которые до сих пор тратятся на так называемую «психофизическую проблему», лучше бы были перенаправлены на проблему смыслоформирования и вытекающую из нее идею *автономии субъекта семантического действия*. Разрешение этой трудности закрыло бы многие вопросы как теоретического характера, так и прикладного, – например связанного с вопросами моделирования искусственного разума. В частности, довольно пустые дискуссии вокруг «свободы воли» отошли бы в прошлое, если бы оппозиция «детерминизм/индетерминизм» была, наконец, понята как специфический элемент *философской грамматики*, а не как попытка охарактеризовать *само бытие* (какой бы смысл не придавался этому словосочетанию) некоей «пропозицией». Утверждение «мир (ин)детерминистичен» – такая же псевдо-пропозиция, как и фраза «жил-был один Бог».

Вернемся к Коффе и к тому, как он видит контуры разразившейся «новой коперниканской революции». Одним из важнейших преимуществ описанного подхода является совместимость с одной из наиболее авторитетных теорий современности, то есть с теорией эволюции, только перенесенной в область концептуальной конкуренции и социальных компромиссов. Как результат мы также получаем более глубокое понимание того, как именно и почему мы понимаем друг друга – без апелляции к диковинным метафизическим идеям типа «предустановленной гармонии». Не предустановленная гармония обеспечивает возможность координации интуиций и концепций в одной голове с интуициями и концепциями в любой другой, а *фактичность существования языка и языковых компетенций*. Языка, с его фактической непрозрачностью – и одновременной потенцией к своему прояснению, с его фактической данностью – и одновременной имманентной ему возможностью изменяться и формировать новые значения. По сути дела, это трансценденталистский ход. Ведь если мы *начинаем* с фактической данности языка, то главный философский вопрос, который следует теперь адресовать этому обстоятельству, – это вопрос об *условиях возможности* (языкового) понимания и коммуникации. (Заметим, что таким образом наметившийся синтез семантической и кантианской традиций вплотную подходит в данном пункте к точке пересечения с феноменологической традицией и выросшей на ее основе герменевтике. Довольно успешная и значимая попытка синтезировать взгляды семантической традиции с феноменологией развита, например, в трудах К.-О. Апеля [Апель, 2001].)

Раз уж мы, наконец, произнесли заветное философское слово «трансцендентальный», то, наверное, пришла пора обратить внимание на второе по значимости достижение (с точки зрения Коффы) философской мысли тех лет. Крушение химической картины (о которой мы говорили выше) ставит вопрос: а как можно мыслить иначе? На этот вопрос как раз и попыталась ответить так называемая «философия науки». Как справедливо комментирует Коффа, это название сбивает с толку, поскольку фактически речь идет о *трансцендентальной эпистемологии*, которая проблематику «условий возможности» перенесла с «Разума» (как оно было у Канта) на «рациональную коммуникацию» и те обеспечивающие ее структуры, которые ответственны за конституирование значений (а не конституирование объектов, как в ортодоксальной кантианской традиции). Коффа пишет: «Одним из главных достижений эмпирической мысли

в 1920-е и 1930-е гг. было постепенное замещение конструктивистско-основательного метода позитивной и семантической традиций трансцендентальным методом. Грубо говоря, подход с точки зрения оснований интерпретировал эпистемологию как поиск простого, неопределимого и данного, и конструкций и оснований всего остального на их базе. В противоположность этому трансцендентальный подход *начинает с основных фактов неоспоримой сложности*, ищет условия, которые делают их возможными» (*курсив мой.* – К.П.-П.) [Коффа 2019, 446]. Таким образом, трансценденталист в качестве отправной точки берет *не* некие идеализированные примитивные элементы бытия (бог весть откуда взявшиеся и бог весть каким образом нам ставшие известными), а такие области знания и/или феномены, исходная значимость которых никогда не подвергалась сомнению. Так, для Поппера это был сам феномен рациональности, главным образом рациональности научной; для Райхенбаха – человеческие практики, основанные на различении того, во что разумно верить и во что нет.

Если смотреть на это движение из семантической перспективы, то, по сути, главные вопросы, которые обсуждались, были следующие: что говорит наука и каковы у нас резоны верить в то, что она говорит? «Эти два вопроса были сердцевинной того, что в то время ошибочно назвали “проблемой индукции”... Противоборство не закончилось ничем определенным, но в высшей степени отточило противоположные позиции и помогло раскрыть их соответствующие добродетели и пороки» [Там же]. Среди важных достижений того времени (и, по-моему, до сих пор плохо усвоенных на практике) следует указать два: 1) статус так называемых «законов природы» и гипотез: «гипотезы являются инструкциями для конструирования пропозиций, не верифицированных до этого, инструкциями, связывающими утверждения, которые описывают данные, с утверждениями, данными в ходе опыта» [Там же, 459]; 2) асимметрия между фальсифицируемостью и верифицируемостью.

На этом пора заканчивать. Возможности одной статьи не позволяют сказать большего. Какие-либо выводы здесь неуместны. Нашей задачей было привлечь внимание к бурной истории философской мысли, как она развивалась в продуктивном противоборстве семантической и кантианской линий рассуждения – и как эта история была изложена в замечательной итоговой книге Альберто Коффы «Семантическая традиция от Канта до Карнапа». По-моему, современная философия не извлекла еще всех уроков из богатого наследия XX в., а такая задача давно уже назрела, о чем свидетельствуют множественные пробуксовки тех направлений исследования, которые так или иначе пытаются (далеко не всегда критически) использовать аппарат аналитической философии.

Primary Sources and Russian Translations

Аристотель 1976 – *Аристотель*. Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976 (Aristotle, *Metaphysics*, Russian translation).

Бар-Хиллел, Френкель 1966 – *Бар-Хиллел И., Френкель А.* Основания теории множеств / Пер. с англ. Ю.А. Гастева; под ред. А.С. Есенина-Вольпина. М.: Мир, 1966 (Bar-Hillel Y., Fraenkel A., *Foundations of Set Theory*, Russian Translation).

Кант 1994 – *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994 (Kant I., *Kritik der Reinen Vernunft*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Апель 2001 – *Апель К.-О.* Трансформация философии / Пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001.

Бейкер, Хакер 2007 – *Бейкер Г.П., Хакер П.М.С.* Скептицизм, правила и язык. М.: Канон+; Реабилитация, 2008.

Драгилина-Черная 2015 – *Драгилина-Черная Е.Г.* Неформальные заметки о логической форме. СПб.: Алетейя, 2015.

Коффа 2019 – *Коффа А.* Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+; Реабилитация, 2019.

- Крипке 2005 – *Kripke С.А.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005.
- Орлов 2011 – *Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011.
- Павлов 2010 – *Павлов К.А.* О природе логических рассуждений. М.: ИФ РАН, 2010.
- Целищев 2004 – *Целищев В.В.* Нормативность дедуктивного дискурса: феноменология логических констант. Новосибирск: Нонпарель, 2004.

References

- Apel, Karl-Otto (1988) *Transformation der Philosophie*, Suhrkamp, Frankfurt a. M. (Russian Translation).
- Baker, Gordon P., Hacker, Peter M.S. (1984) *Skepticism, Rules and Language*, Basil Blackwell, Oxford (Russian Translation).
- Coffa, Alberto (1985) *The Semantic Tradition from Kant to Carnap: To the Vienna Station*, Cambridge University Press (Russian Translation).
- Dragalina-Chyornaya, Elena G. (2015) *Informal Notes on Logical Form*, Aleteia, Saint Petersburg (in Russian).
- Kripke, Saul A. (1982) *Wittgenstein on Rules and Private Language*, Basil Blackwell, Oxford (Russian Translation).
- Orlov, Eugene V. (2011) *Philosophical Language of Aristotle*, Russian Ac. of Science. Siberian branch, Novosibirsk (in Russian).
- Pavlov, Konstantin A. (2010) *On the Nature of Logical Reasoning*, IFRAN, Moscow (in Russian).
- Tselishev, Vitaly V. (2004) *Normativity of Deductive Discourse: Phenomenology of Logical Constants*, Nonparel, Novosibirsk (in Russian).

Сведения об авторе

ПАВЛОВ-ПИНУС Константин Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

Author's Information

PAVLOV-PINUS Konstantin A. – CSc in Philosophy, Senior Researcher of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Science.